

Пандемия и религия: толкования и практики. Введение

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-7-11>

ДЛИННЫЙ ряд всевозможных проблем, вызванных пандемией, включал беспрецедентный вызов системе здравоохранения, перетряску большинства экономических структур, «сжатие» рынков, дестабилизацию политических режимов, обострение всех социальных и психологических проблем в результате тяжелого испытания социальной изоляцией. Все эти последствия были частью повседневной и политической прагматики, но в силу чрезвычайности и лихорадочной непредсказуемости ситуации заставляли гораздо более жестко, остро и нервно формулировать более общие вопросы — от допустимых пределов свободы и меры государственного насилия до принятия моральных решений на границе жизни и смерти.

«Религиозное измерение» эпидемического кризиса можно рассматривать как звено в этом длинном ряду. Разумеется, значение и общественный резонанс религиозного измерения пандемии в серьезной мере варьировали в зависимости от уровня религиозной насыщенности, «нагруженности» того или иного общества: в одних случаях, как в Индии или Иране, религиозные «отражения» пандемии были постоянно в центре внимания; в других — как в секулярных странах Европы — они были строго локализованы в сравнительно ограниченных социальных пространствах.

Для всех религиозных сообществ, как и всех прочих общественных групп, пандемия создавала множество практических неудобств и прямых материальных потерь, которые все нарастали и становились критическими. В то же время иногда, в силу самого характера религиозного дискурса и целей ключевых религиозных практик, именно в этой сфере в наиболее прямой форме ставились «последние», фундаментальные вопросы о смыслах

и ценностях свободы, общения, и даже самого существования — коллективного или индивидуального. Любой «практический» вопрос — например, способы и сама возможность исполнения ритуала в условиях санитарных ограничений — вследствие его включенности в трансцендентную перспективу мог достигать высокого метафизического напряжения. В рамках богословского дискурса или проповеди это напряжение проявлялось в чистом виде (см. статью Кирилла Говоруна в нашей подборке). И хотя в большинстве случаев в центре внимания были вопросы повседневной адаптации практик к нестандартной ситуации, фундаментальные темы, затрагивающие самое ядро каждой из религиозных традиций, время от времени выходили на первый план.

Именно эти ключевые темы и являются объектом статей нашей подборки. Мы хотели показать дискурсивные и перформативные реакции на пандемию и ее последствия для религиозных групп, т. е. понять, как осмысливается эта чрезвычайная ситуация внутри религиозного воображения и в ходе совершения религиозных действий; каковы ощутимые и возможные трансформации внутри религии, которые происходят под воздействием этой ситуации или которые ею выявлены и ускорены.

Одной из таких тем была семиология пандемии — толкование ее смысла с точки зрения религиозной картины мира и «провиденциальной логики»: эта тема неизбежно возникает в статьях, посвященных авраамическим религиям. Мы встречаем разные объяснительные схемы — от неочевидного божественного замысла до очевидных козней сил зла, идентификация которых входила в репертуар конспирологических подозрений, столь популярных в ходе этого уникального санитарного кризиса (см., например, в статье Галины Зелениной о включении события пандемии в герменевтическую традицию иудаизма; или, в статье Софьи Рагозиной — об оживлении эсхатологических ожиданий среди мусульман).

Второй важнейший слой нашей проблематики — усилия по сохранению индивидуальной праведности и чистоты в широком смысле слова: определение такой линии поведения, которая позволяла бы, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, сохранять верность системе базовых правил, остаться «истинным мусульманином», «истинным православным» или «истинным иудеем». Это касалось всей совокупности предписанных практик — от ключевых обрядов до повседневного поведения и мобилизации целительных материальных объектов для борьбы с болезнью. Разумеется, в этой связи возникали расхождения и споры,

которые стимулировали новое, актуальное *проговаривание* идеалов и образцов.

В центре третьей ключевой темы, затронутой всеми авторами, и, конечно, прочно связанной с предыдущей, были сами религиозные институты. С одной стороны, перед нами тема сообщества, общины, самой сути «общинности»; проблема поддержания солидарности и идентичности, определение меры интенсивности общения — вопросы, которые ставились особенно остро в месяцы сильной разобщенности, диктуемой санитарными требованиями. С другой стороны, это тема религиозного авторитета и власти, в частности, вопрос о том, какие скрепляющие группу механизмы предпочтительны, с точки зрения традиционных установлений, — горизонтальные или вертикальные, духовные или сакраментальные, непосредственные или транслокальные и транссоциальные. Тем самым пандемия подвергла испытанию всю действующую институциональную систему старых религий.

Четвертая группа вопросов — проблематика взаимоотношений религиозных групп, институтов и ценностей с «большим обществом», иноконфессиональными или нерелигиозными институтами и группами населения; наконец, с государством, которое обладало полномочиями чрезвычайного регулятора кризиса. В России, как и других странах, где религиозные группы представляют собой сравнительно ограниченные сегменты, трения на границе религиозной идентичности достигали большого накала, обостряли вопрос о непримиримости «своих» и «чужих»; иногда вели к стиранию межрелигиозных барьеров ради противопоставления светской гегемонии; или, наоборот, стимулировали поиск компромиссов с «секулярным миром» ради признания неких универсальных норм. Излишне говорить, что далеко не все религиозные люди легко шли на такие компромиссы, особенно когда «универсальные нормы» диктовались доминирующими нерелигиозными установками. Поэтому вопрос о «религиозной идентичности», ее содержании и границах внутри современной культуры был одним из центральных (этому напрямую посвящена статья Александра Агаджаняна).

Пятая группа тем, которые неизбежно всплывают во всех публикуемых нами исследованиях и отражают в себе все, что было сказано выше, — это проблематика баланса между сохранением и обновлением; вопрос о традиции и ее допустимых модификациях; вопрос о мере и легитимности реформирования базовых установлений религиозных институтов. Разумеется, это постоянные

вопросы, которые уникальная ситуация эпидемии не столько породила, сколько заново спровоцировала и предельно обострила.

С последним обстоятельством связан, наконец, еще один большой слой нашей проблематики, к которой неизбежно обращаются все авторы, пишущие о пандемии, о какой бы сфере ни шла речь, — ускоренное смещение повседневности (в том числе религиозной) в новые медиа, в цифровую среду, включая интернет и другие электронные сети. Жизнь — отчасти поневоле, но иногда согласно глубоким, независимым от эпидемического кризиса тенденциям — переместилась в виртуальную среду, и все авторы нашей подборки так или иначе касаются последствий этого очередного витка информационной революции (см. особенно статью Ксении Лученко). Новая медиатизация религий, которую изучают уже полтора десятилетия¹, стала в месяцы пандемии не только временным убежищем, но и вызовом всем традиционным установлениям, сильным фактором индивидуализации всей системы производства религиозного знания и действия (см., например, явление, которое Софья Рагозина называет «народным иджитхадом» среди российских мусульман).

В нашей подборке, представленной в этом номере, три текста посвящены русскому православию, один — российскому исламу, еще один — ортодоксальному иудаизму в разных странах, и, наконец, один — традиционному культу духов-предков в постсекулярном Вьетнаме. Последний пример (статья Елены Гордиенко) важен, поскольку очевидным образом контрастирует с остальными: здесь нет герменевтики кризиса и сложных богословских споров, но в то же время, подобно другим случаям, здесь тоже очевидна вызванная пандемией трансформация социоинтегрирующих функций святости и обряда.

В целом, для академических дисциплин, изучающих религию, пандемия 2020-2021 годов предоставила не только уникальный материал, но и обострила требования к теоретическому пониманию современных религий. Например, в центре внимания оказываются такие концепции и исследовательские поля, как «материальная религия»; «семиотические идеологии»; структура религиозности (соотношение обряда, веры, поведения, сакральных объектов); природа религиозного авторитета и его трансформации; «виртуальная религия»; «живая религия» (в противовес формально-институциональной); транснациональные процес-

1. Этой теме наш журнал посвятил целый тематический блок в № 2(38), 2020.

сы и смешения (и, наоборот, их разрывы); «традиция» как всегда подвижная, воспроизводимая и реконструируемая категория, и другие.

С начала пандемии (примерно с марта 2020 г.) появились сотни репортажей и публицистических статей по нашей теме; изданы десятки небольших книг, в основном, популярно-богословских, но есть уже и научные издания (в основном также в рамках академического богословия)²; созданы специальные исследовательские сайты³; наконец, уже были опубликованы десятки, если не сотни статей в рецензируемых академических журналах⁴. Несколько крупных журналов объявили о работе над специальными номерами, посвященными разным аспектам темы. Возможно, наш журнал является одним из первых, кто публикует отдельный тематический блок о влиянии пандемии на религиозные процессы.

Александр Агаджанян

2. Например, Hampton A. (ed.) (2020) *Pandemic, Ecology and Theology: Perspectives on COVID-19*. London: Routledge.
3. См., например, специальный раздел COVID-19 в междисциплинарном блоге *Religion and Global Society* Лондонской школы экономики (<https://blogs.lse.ac.uk/religionglobalsociety/category/covid-19/>); открытая группа в Фейсбуке *The Role of COVID-19 in pilgrimages* (<https://www.facebook.com/groups/206400057252459/>); исследовательский блог Сингапурского университета, посвященный азиатским религиям в период пандемии (<https://ari.nus.edu.sg/coronasur-all/>).
4. Вполне ожидаемо, это, прежде всего, журналы, которые так или иначе связаны с медициной и здравоохранением, такие как *The Journal of Religion and Health*, но и другие.